

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4582

УДК 821.161.1.09"18"+17.81.31

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

kibalnik007@mail.ru

Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)*

Аннотация. Опубликованные в первом академическом издании «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского подготовительные материалы к роману «Бесы» содержат пометы писателя о том, что образ одного из главных его героев — Петра Верховенского — отчасти стилизован им под М. В. Петрашевского. В то же время комментаторы этого издания обнаружили в них помету, косвенно подтверждающую гипотезу о том, что одним из главных прототипов Ставрогина был Н. А. Спешнев. В статье проанализированы подготовительные материалы к «Бесам», в которых будущий Ставрогин значился еще как «Князь». Они сопоставлены в работе с личными впечатлениями Достоевского от общения со Спешневым не только в 1847–1849 гг., но и уже после его возвращения из ссылки, в 1860-е гг., а также с печатными материалами о пребывании Спешнева вместе с Петрашевским на поселении в Иркутске в 1857–1860 гг. Эти сопоставления показывают: некоторые отдельные существенные моменты в творческой истории «Бесов» связаны с тем, что если Петрашевский в 1859–1860 гг. и принял заметное участие в истории вокруг так называемой «иркутской дуэли», которая была направлена против генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, то Спешнев к тому времени совершенно переменялся в убеждениях. Таким образом, подготовительные материалы к роману «Бесы» в полной мере подтверждают предположение о том, что основным прототипом Николая Ставрогина был Н. А. Спешнев. В то же время, обратившись к поведению М. В. Петрашевского в иркутской ссылке в 1859–1860 гг., можно понять, почему и каким образом в сознании Достоевского с этим человеком мог ассоциироваться социалист-революционер, подобный С. Г. Нечаеву.

Ключевые слова: прототип, главный герой, роман, «Бесы», творческая история, подготовительные материалы, рабочая тетрадь, Достоевский, петрашевцы

Об авторе: Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034)

Дата поступления: 17.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 119–141. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4582

1

Основным прототипом Петра Верховенского, который очевиден уже из подготовительных материалов к «Бесам», безусловно, является С. Г. Нечаев. Сложнее обстоит дело с Николаем Ставрогиным, прототипом которого предлагалось считать М. А. Бакунина, Н. А. Спешнева [Спор о Бакунине и Достоевском: 7–40, 72–122, 162–168, 197–215], А. И. Герцена [Кантор: 275–288] и др. Сопоставление материалов рабочих тетрадей Достоевского с фактами пребывания некоторых петрашевцев на поселении в Сибири позволяет, как мне кажется, существенно уточнить вопрос об основных прототипах главных героев самого нашумевшего из романов писателя.

Как известно, в подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский многих своих героев называет по именам их прототипов. Так, например, в ранних набросках к роману будущего Степана Трофимовича Верховенского он называет «Грановским», Липутину — «Милюковым», Петрушу Верховенского — «Нечаевым» и т. д. Причем характеристика последнего в целом соответствует тому, что Достоевский в то время узнавал о С. Г. Нечаеве из печатных источников. Так, например, в рабочей тетради, хранящейся в ОР РГБ (Ф. 93.I.1.5), читаем:

«Нечаев слушает тупо — требует иногда разъяснений самых пустых, и главное — уничтожить. Он вовсе не спорить приехал, а делать, а главное — согласиться всё истребить. В нашем городке у него склад, и он организует»¹.

И вдруг следует неожиданная помета: «НЕЧАЕВ — ОТЧАСТИ ПЕТРАШЕВСКИЙ <...>. Придерживаться более типа Петрашевского» (ДЗ0; 11: 106–107). В. А. Туниманов полагал, что, по всей вероятности, Достоевский «имел в виду не “широкое”, а частное сходство, некоторые черты характера Петрашевского, особенно энергию и энтузиазм, в психологическом смысле роднившие его с Нечаевым. От Петрашевского к Верховенскому перейдут хлопотливость, суетливость, неутомимость, запомнившиеся Достоевскому: “Человек он вечно суевающийся и движущийся, вечно чем-нибудь занят”...» (ДЗ0; 12: 218–219)². Однако так ли или, по крайней мере, только так ли это на самом деле?

Понятно, почему Достоевский решил стилизовать Нечаева под Петрашевского. Ведь как он сам признавался, «ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства» он «не знал» и совсем не знает, «кроме как из газет» (ДЗ0; 29₁: 141). Для создания же живого образа необходимо представлять себе внешний и внутренний облик отображаемого лица. И Достоевскому показалось, что революционер, организовавший убийство своего товарища, должен был быть именно таким:

«...мой Петр Верховенский может несколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создано воображением то лицо, тот тип, который *соответствует этому злодейству*» (ДЗ0; 29₁: 141; здесь и далее курсив в цитатах мой. — С. К.).

С настоящим воодушевлением писатель может говорить только о глубоко пережитом им самим. Вот почему именно «личные мемуары на всем протяжении “Бесов” сочетаются с политическим бюллетенем дня, и хроника былого дублируется текущей газетной передовицей» [Гроссман: LXXX]. С одной стороны, это объясняет, почему Петр Верховенский, действительно, напоминает Петрашевского «своей возбужденной активностью гораздо сильнее, чем холодного, сосредоточенного методического Нечаева» [Спор о Бакуnine и Достоевском: 162]. Однако с другой стороны, ведь Петрашевский никого из своих товарищей не убивал, и поэтому насколько уместно и оправданно то, что Нечаев в сознании Достоевского ассоциировался с Петрашевским?

Тем не менее, «Петрашевский» — это ведь почти точная неполная анаграмма от «Петруша Верховенский» (в устном варианте «ПЕТ-РУШавЕрхaВенСКИЙ»), позволившая писателю в одно и то же время, с одной стороны, сохранить аллюзионное указание на прототип своего героя, а с другой — акцентировать в нем как непомерное самолюбие, так и поверхностность, которые успешно соединялись в личности М. В. Петрашевского³.

Далеко не так просто обстоит дело с прототипом Ставрогина. Отчасти это, безусловно, глубоко автобиографический герой (особенно если иметь в виду Ставрогина как героя, не раз высказывавшего в прошлом взгляды, близкие к почвенническим). Недаром Достоевский признавался: «Я из сердца взял его» (ДЗ0; 29; 142). «Религиозные диспуты Шатова и Ставрогина, — справедливо отмечал Вяч. Полонский, — есть ведь не что иное, как объективирование этой (самого Достоевского. — С. К.) внутренней борьбы» [Полонский: 181].

В то же время, как предположил еще Л. П. Гроссман, в образе Ставрогина, преломились отдельные черты «таинственного и демонического Спешнева» [Спор о Бакуnine и Достоевском: 168]. «Его (Н. А. Спешнева. — С. К.) бесстрашие, холодность, неудовлетворенный скептицизм, его красота и сила, обаяние, на всех производимое, и ореол какой-то тайны, — развивала ту же мысль В. Р. Лейкина, — все это реальные элементы в образе Ставрогина» [Лейкина: 13]⁴.

2

Именно такое впечатление, производимое Спешневым на самого Достоевского и на ряд других петрашевцев, по-видимому, не раз отзывалось в эпизодах «Бесов», раскрывающих отношение к Ставрогину Петра Верховенского и многих других героев романа: Шатова, Кириллова, Марьи Тимофеевны, Лебядкина, Лизы, Даши и др. Основания видеть в Николае Ставрогине Николая Спешнева, помимо совпадения имени героев и первой

буквы их фамилий, можно найти еще и в том, что с Петрашевским Спешнев в 1847–1849 г. был связан сложными отношениями сотрудничества и соперничества.

Достаточно вспомнить, например, попытку создания Спешневым «своего особенного кружка», переговоры Петрашевского и Спешнева с Р. А. Черносвитовым и многое другое. Петрашевский со Спешневым составляли тогда такую же странную пару, на первый взгляд, хороших знакомых (оба они в одно время учились в Александровском Лицее) и почти сверстников, как и Верховенский со Ставрогиным⁵.

Недаром во время следствия по «делу петрашевцев» Спешнев казался Петрашевскому главным виновником его беды: «Теперь мне попеременно представляется... то ужасная провокация — хитрая, коварная проделка *agent-provocateur*⁶ Черносвитова, то действия Спешнева, — месть тонкая оскорбленного самолюбия... Спешневым все было сделано на гибель мою и других...» [Философские и общественно-политические произведения петрашевцев: 434–435]. И поскольку Петрашевский сам всегда выбалтывал свои самые заветные секреты, то не было бы ничего удивительного, если бы и это дошло не только до Спешнева, но и до Достоевского.

Комментируя диалог Верховенского с «хромым учителем» в главе «У наших», В. А. Туниманов не без основания отметил, что «слово “аффилиация”, несколько раз специально употребленное им и Верховенским, несомненно восходит к “Проекту обязательной подписки” Спешнева <...> Достоевский специально сталкивает “Проект” Спешнева и “Катехизис” Нечаева, улавливая в последнем некоторые черты преемственности в деле организации “пятерок”, но подчеркивая и различия...» (ДЗ0; 12: 220). Исследователь, безусловно, имеет в виду то обстоятельство, что нечаевский «Катехизис революционера» называли также иногда, в частности в ходе процесса над «Народной расправой», «Уставом международного общества», так как именно такую, регламентирующую деятельность революционера, роль он и призван был играть.

В свете этого следует, по-видимому, интерпретировать и реплику Верховенского Ставрогину: «Впрочем, вы сами устав писали, вам нечего объяснять» (ДЗ0; 10: 298). Скорее реплика эта не в последнюю очередь отсылает к нечаевскому «Уставу...», то есть к «Катехизису...»⁷. Недаром ей предшествуют следующие слова:

«— Там, куда мы идем, членов кружка всего четверо. *Остальные, в ожидании, шпионят друг за другом взапуски и мне переносят.* Народ благонадежный. *Все это материал, который надо организовать, да и убираться*» (ДЗ0; 10: 298).

Возможно, Верховенский имеет здесь в виду § 10 «Катехизиса...»: «У каждого товарища должно быть под рукою *несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных*. На них он должен смотреть, как на *часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение*. Он должен экономически тратить свою *часть капитала*, стараясь всегда *извлечь из него наибольшую пользу*» (цит. по: [Революционный радикализм: 245]).

Однако нельзя не вспомнить здесь и спешневский «[Проект обязательной подписки для членов тайного общества]» (см.: [Философские и общественно-политические произведения петрашевцев: 503–504]). Впрочем, образ Ставрогина как автора «устава» тайного общества революционеров, разбитого на «пятерки», мог произрастать также и из воспоминаний Достоевского о кипучей деятельности Спешнева по созданию такого общества из членов кружка Петрашевского. В ноябре — декабре 1848 г. в ходе этой деятельности Спешнев «был задействован: в тройке с Тимковским и Данилевским; в тройке с Черносвитовым и Петрашевским; в *пятерке* (!!! — С. К.) с Петрашевским, Момбелли, Львовым и Дебу-старшим» [Сараскина: 179].

При этом в ходе организации «пятерки» на одном из собраний Спешнев представил «план тайного общества», который был прочитан участникам и предполагал три взаимосвязанных «внеправительственных пути действия — иезуитский (!!! — С. К.), пропагандный и восстанием»; при этом руководство брал на себя *центральный комитет*, которому подчинялись *два частных* — комитет товарищества для устройства школ пропаганды (фурьеристской, коммунистической, либеральной) и комитет тайного общества на восстание [Петрашевцы в воспоминаниях: 63]. По словам Н. А. Момбелли, «*Центральный Комитет* (его (Спешнева. — С. К.) выражение), в который вошли бы представители различных мнений», Спешнев «предложил *устроить из себя*» [Дело петрашевцев: 426].

В тексте романа есть вполне конкретное отражение этих реалий движения, можно сказать, уже не столько петрашевцев, сколько «спешневцев». Так, Верховенский говорит Ставрогину:

«Дураки попрекают, что я всех здесь надул *центральным комитетом* и «*бесчисленными разветвлениями*». Вы сами раз этим меня корили, а какое тут надувание: *центральный комитет* — я да вы, а *разветвлений* будет сколько угодно» (ДЗ0; 10: 299)⁸.

Бесконечные трения между петрашевцами по поводу создаваемого ими нового тайного общества и того положения, которое составившие его члены будут занимать в нем, сам Спешнев в письме, переданном им Петрашевскому, назвал «*chasse aux places*»⁹. При этом, например, у одного из кандидатов в создаваемое общество — Ф. Н. Львова, когда он узнал об отказе Спешнева остаться членом «пятерки» под предлогом того, что тот «связан другими

условиями более положительными», — сложилось впечатление, «что он нас потому не хочет иметь с собою, *чтобы быть у себя первым*» [Дело петрашевцев: 426]. Все это могло отозваться в романе идеей Петра Верховенского о «мундире» для «наших»:

«Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи — очень нравятся и отлично принялось» (Д30; 10: 298).

Между прочим, отдельные детали из общения Спешнева и Петрашевского с Черносвитовым также могли отозваться в «Бесах». Например, в декабре 1848 г. после одной из «пятниц» у Петрашевского, когда Спешнев и Достоевский вышли от него, «Достоевский на улице сказал: “Черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет”, и потом, подойдя ко мне, сказал: “Знаете что, Спешнев, — мне кажется, что *Черносвитов просто шпион*”. “Я думаю, — отвечал я, — что он человек с задними мыслями”. Он [оставил] во мне впечатление *или эмиссара, или главы какого-нибудь тайного общества в Сибири*, который приехал набирать людей». Причем Черносвитов, которому Петрашевский передал потом этот разговор Спешнева и Достоевского, «стал вроде комплимента» говорить Спешневу: «“Мих[аил] Вас[ильевич] (Петрашевский. — С. К.) говорил мне о догадке Достоевского и об вашей”, и взял за руку и пожал мне ее» [Дело петрашевцев: 457–464].

Как тут не вспомнить следующий диалог между главными героями «Бесов»:

«А слушайте, Верховенский, *вы не из высшей полиции, а?*

— Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.

— Понимаю, да ведь мы у себя.

— Нет, покамест не из высшей полиции» (Д30; 10: 300).

Во время последующих встреч Черносвитова со Спешневым между ними шла «напряженная психологическая игра» [Дело петрашевцев: 174], в ходе которой Черносвитов пытался вывести у Спешнева, существует ли «тайное общество», а Спешнев в ответ «лгал» «бессовестно, и оттого все ходил по комнате, чтоб он» (Черносвитов. — С. К.) не смотрел ему «прямо в лицо» [Дело петрашевцев: 457]. Когда же они решили продолжить разговор вместе с Петрашевским, Спешнев по дороге к Черносвитову предложил Петрашевскому: «Только я буду представляться, что *я глава целой партии*; пожалуйста, и ты сделай то же, а то он ничего не скажет» [Дело петрашевцев: 458].

В своих показаниях Спешнев объяснял, что предложил это, зная: Петрашевский, как обычно, передаст эти его слова Черносвитову. Петрашевский же на следствии показал об этих их переговорах: «Спешнев говорил, что *ему надо снестись с каким-то обществом*, но как о сем он мне прежде никогда не говорил, и к тому же зная любовь его прихвастнуть, я решил,

что сношения эти с обществом есть вымысел. В этом еще более убеждали меня слова “дай прикинуть коммунистом и главою коммунистов”» [Дело петрашевцев: 96].

В «Бесах» это, возможно, отозвалось в следующем диалоге героев:

«— Вы, конечно, меня там *выставили* каким-нибудь членом из-за границы, в связях с *Internationale*, ревизором? — спросил вдруг Ставрогин.

— Нет, не ревизором; ревизором будете не вы; но *вы член-учредитель из-за границы, которому известны важнейшие тайны*, — вот ваша роль» (ДЗ0; 10: 299).

На роль такого «члена-учредителя из-за границы» из числа членов «Народной расправы», безусловно, мог претендовать прежде всего Нечаев, а из круга петрашевцев — только Спешнев.

Разумеется, налицо существенная разница: в «деле петрашевцев» Спешнев предлагает Петрашевскому представляться им обоим «главой целой партии», а в романе Достоевского Верховенский намеревается представить «пятерке» Ставрогина как «члена-учредителя из-за границы». Так или иначе, очевидно, что воспоминания о сложной психологической игре друг с другом участников кружка Петрашевского, скорее всего, настолько хорошо питали творческую фантазию Достоевского, что он мог обойтись и без того, чтобы увидеть в лицо членов «Народной расправы» на открытых судебных заседаниях первой половины июля 1871 г. (хотя, разумеется, по возвращении в Петербург из-за границы у него была масса других дел, помешавших ему воспользоваться такой возможностью).

Когда Черносвитов с Петрашевским в ходе дальнейших переговоров требовали от Спешнева откровенности, он ответил им вполне по-ставрогински: «— Вы, кажется, господа, ошибаетесь насчет наших отношений, я с вами не связан никакими обязательствами, не состою с вами здесь в тайном обществе, и я решительно не понимаю, с чего *выдумаете, что вы имеете право заставлять меня говорить*» [Дело петрашевцев: 444]¹⁰. Ср. финал главы «Бесов» «У наших»:

«— Позвольте, господин Ставрогин, — резко обратилась к нему хозяйка, — мы все здесь ответили на вопрос, между тем как вы молча уходите?

— *Я не вижу надобности отвечать на вопрос, который вас интересует*, — пробормотал Ставрогин» (ДЗ0; 10: 318).

Из многих приведенных выше примеров можно сделать еще один, несколько неожиданный вывод. Отнюдь не всегда мы наблюдаем прямое соответствие: черты Петрашевского питали собой образ Верховенского, а черты Спешнева — образ Ставрогина. В отдельных случаях дело обстоит как раз наоборот, а иногда можно говорить и о том, что не только сами по себе Петрашевский и Спешнев, но и Петрашевский и Спешнев, взятые

вместе, а то и, например, Черносвитов, как и некоторые другие участники «пятниц» у Петрашевского, отдельными деталями своего поведения могли питать собой образы главных героев «Бесов».

Так что наряду с прямой прототипичностью Петрашевского по отношению к Верховенскому, а Спешнева по отношению к Ставрогину, которая, конечно же, имеет первостепенное значение, можно, по всей видимости, говорить и об определяющем воздействии на зарождение этих образов в творческом сознании Достоевского «дела Петрашевского» в целом или в отдельных его частях¹¹.

3

В отличие от того, как обстоит дело с именем Петрашевского в набросках Достоевского к «Бесам», имя Спешнева там ни разу не названо. Правда, В. А. Туниманов обратил в связи с этим внимание на следующую запись: «Иногда молчаливо любопытен и язвитель, как *Мефистофель*. Спрашивает как власть имеющий, и везде как власть имеющий» (ДЗ0; 12: 221) (см. также: ДЗ0; 11: 175). В ней исследователь не без основания увидел отзвук собственных слов Достоевского, сказанных им о Спешневе доктору С. Д. Яновскому: «Понимаете ли вы, что у меня с этого времени *есть свой Мефистофель*» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 248]¹².

Тем не менее исследователи, писавшие на эту тему, как правило, высказывали некоторое недоумение по поводу, как им казалось, очевидного несоответствия внутреннего облика молодого Спешнева с личностью Ставрогина (см., например: [Лейкина-Свирская: 140; Сараскина: 9]. При этом, однако, ими упускалось из вида то, что во время своего пребывания за границей в 1842–1846 гг. Спешнев явно находился под сильным влиянием не только французской социалистической и коммунистической, но и немецкой антропотеистической¹³ и индивидуалистической философии. И, вероятно, ее налет не сошел со Спешнева по возвращении в Россию.

При внимательном рассмотрении становится ясно, что отчасти конспект из нашумевшего апофеоза эгоцентризма «Единственный и его собственность» (1845), принадлежавшего перу Макса Штирнера, представляют собой письма Спешнева к К. Э. Хозцкому (см.: [Кибальник: 373–375]). Впрочем, и в других письмах Спешнева, начиная с 1845 г., — письмах сугубо личного характера — то и дело проскальзывают мотивы осознанно манифестируемого эгоцентризма: «...я имею полное сознание моей бессовестности — и вывожу из этого философическое заключение “это-де фактически значит, что я потерял всякую совесть!”». Отрадный факт — я помню времена, когда у меня *совести* было по горло <...> все это прах и суета — и человек этак делает, что дурь сидит у него в голове». И в другом письме к матери, уже от 17 / 5 апреля 1846 г.: «Когда-нибудь при камельке стану я рассказывать, что

бывало со мной на белом свете — и как умно на свете себя любить много, много и других мало, мало» (цит. по: [Сараскина: 404, 409]).

Дополнительные основания для сближения образов Верховенского с Петрашевским, а Ставрогина со Спешневым есть не только в многочисленных отзывах самого Достоевского о Спешневе и Петрашевском, относящихся к периоду существования «кружка» последнего, но и в дальнейшей судьбе Петрашевского и Спешнева. До настоящего времени в связи с «Бесами» не обращалось внимания на то, что сложные, неоднозначные отношения Петрашевского и Спешнева еще не раз вновь ярко проявились в период их совместного пребывания на каторге и в особенности в иркутской ссылке.

Как известно, в 1853 г. Петрашевский присоединился к Спешневу, отбывавшему каторгу в Александровске, а с 1857 по 1860 гг. оба они находились на поселении в Иркутске. Живя там на одной квартире, они со временем даже возобновили былые сходки в открывшейся вскоре после этого Иркутской публичной библиотеке. Спешнев к тому же был назначен генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым начальником газетного стола, редактором и смотрителем типографии «Иркутских губернских ведомостей», а Петрашевский печатался в них.

При этом, однако, если Спешнев совершенно оставил прежние затеи, то Петрашевский ничуть не изменился. И его отношения с их общим покровителем Муравьевым в некоторых моментах напоминает сюжетную линию «Бесов»: «Петр Верховенский — губернатор фон Лембке». Так, например, Ф. Н. Львову Петрашевский внушал, что «надобно эксплуатировать либерализм и прогрессизм Муравьева, которыми он желает блеснуть»: «Вследствие таких видов он и ударился в некоторого рода хитрость и... иногда льстил ему для того, чтобы подсластить горькие пилюли, которые он ему подносил... <...> Муравьев по большей части оскорблялся тонкими», по мнению Петрашевского, *замечаниями и сарказмами*. «С другой стороны, Петрашевский не мог вытерпеть, чтобы не рассказать того, как Муравьев опростоволовился в том или другом случае... Все это доходило до Муравьева, и он уже не скрывал от других, что Петрашевский ему не нравится, хотя и не переставал его принимать и кокетничать с ним» [Семевский: 21].

Сюжетную линию «Бесов» «Верховенский — фон Лембке» принято возводить к собственным впечатлениям Достоевского от общения с тверским губернатором П. Т. Барановым во время его пребывания в Твери в 1859 г.¹⁴ Баранов немало сделал для Достоевского, и, в частности, активно содействовал тому, чтобы писателю было возвращено право проживать в Петербурге [Достоевская: 31]. Было бы странно после всего этого пародировать его в «Бесах»; насколько известно, Достоевский не относился к числу людей, которые отплачивают за помощь черной неблагодарностью. Так что линия «Верховенский — фон Лембке» в этом смысле больше напоминает отношения между Петрашевским и Муравьевым, чем между Достоевским и Барановым¹⁵.

И, следовательно, она — как и многое другое в романе «Бесы» — также имеет по меньшей мере два разных источника биографического характера.

При этом иркутская «генеалогия» фон-Лембке представляется более вероятной и существенной. Тем более что она включает в себя также и ассоциации с военным и гражданским губернатором Иркутска Карлом Венцелем, о котором В. Ф. Раевский писал: «Карл Карлович Венцель <...> как губернатор *донельзя карикатурен*, но даже положительно вреден по своей *бесхарактерности и ослиной тупости*; в рассказах Щедрина есть губернатор, напоминающий много Венцеля, но и тот великий человек по уму и административным способностям в сравнении с нашим Карлушей» (цит. по: [Иркутские повествования: 111]).

С 12 апреля и до самого конца 1859 г. Спешнев в должности правителя путевой канцелярии графа Муравьева-Амурского ездил вместе с ним в Китай и Японию с дипломатической миссией. В отсутствие губернатора Петрашевский и Львов, воспользовавшись на шумевшей историей с дуэлью между чиновниками М. С. Неклюдовым и Ф. А. Беклемишевым (последний был членом Совета Главного управления Восточной Сибири), в результате которой Неклюдов был убит, нанесли Муравьеву «удар прямо в сердце» [Милютин: 617]. Петрашевский выступил на гражданской панихиде у могилы Неклюдова с обличающей его «убийц» речью¹⁶, а Львов даже поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1859. № 17, неофициальная часть. С. 1–3) статью, в которой «очень осторожно, но настойчиво проводил мысль, что дуэль Беклемишева с Неклюдовым — гнусное убийство» [Протест: 229]. Кроме того, близкие по содержанию материалы об этой дуэли были доставлены Герцену и появились в приложении к «Колоколу» «Под суд» [см.: Белоголовый].

Вскоре после дуэли состоялся суд над его участниками и организаторами, в результате которого они были приговорены к двадцати годам тюремного заключения. Поскольку такое судебное решение было вынесено под очевидным влиянием Петрашевского и его сторонников, Губернский Иркутский суд в сентябре 1859 г. отменил решение Иркутско-Верхоленского окружного суда и значительно снизил наказание, а его члены в свою очередь были приговорены к тюремному заключению.

Муравьев после своего возвращения в Иркутск не стал тем не менее наказывать Петрашевского, а тот, дождавшись нового его отъезда — на сей раз в Петербург, — тут же принялся за прежнее. В «Колокол» была отправлена заметка Львова, опубликованная в нем анонимно под заглавием «Опять об иркутской дуэли». В ней тот в конце концов сам проговаривается о том, с какой целью им с Петрашевским разжигалась история «иркутской дуэли»: «Муравьеву и его *protégés* хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговор под диктовку Петрашевского или, по крайней мере, что они были в это время под его и Львова с К^о влиянием. Разумеется, открыть этого нельзя, потому что между ними не было никаких сношений. Но если бы это даже и действительно было, то что ж из этого? Оно доказало бы только

нравственную силу Петрашевского и К°, которая сильнее генерал-губернаторского деспотизма...» (цит. по: [Протест: 231]).

Действительно, целью Петрашевского и его сторонников, как полагает Л. И. Сараскина, было «свалить Муравьева, доказав всему миру, что легендарный генерал-губернатор, национальный герой России, не может быть честным и порядочным человеком, а может быть только царским сатрапом и деспотом с “рожей татарина”» [Сараскина: 297].

Если и в самом деле не все в истории дуэли Беклемишева с Неклюдовым было до конца ясно и честно (см. об этом: [Матханова: 206–220]), то во всяком случае сам Муравьев, пока он оставался в городе, пытался эту дуэль предотвратить¹⁷. От Петрашевского же в ходе всей этой истории исходило так много подтасовок и инсинуаций (см.: [Протест: 239]), что они вынудили даже отбывавшего в это время ссылку в Иркутске М. А. Бакунина, который, впрочем, с самого начала был на стороне Беклемишева, выступить в «Колоколе» с опровержением версии, распространявшейся сторонниками Петрашевского [Бакунин: 348–359].

Всецело становясь на сторону своего родственника и покровителя Муравьева, Бакунин обвинял Петрашевского еще и в неблагодарности и коварстве, небезосновательно указывая на то, что теми возможностями «волновать весь Иркутск», которыми воспользовался «при наших законах, при известных всем порядках» «бесправный и беззащитный поселенец», он был обязан самому Муравьеву. И далее очерчивал всю палитру средств, которыми пользовался при этом Петрашевский: «Опираясь таким образом, с одной стороны, на мнимое сочувствие Муравьева, который с ведома всех принимал его с почетом еще накануне своего отъезда, с другой же — на множество тайных и явных недоброжелателей Муравьева, запугивая одних генерал-губернатором, других — жандармами, третьих — “Колоколом”, Петрашевский безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, целую осень, почти ползимы — до самого возвращения Муравьева в январе 1860 года» [Бакунин: 355].

19 января 1860 г. Спешнев вместе с Муравьевым снова уехал из Иркутска, на сей раз покинув Сибирь навсегда. Вряд ли у них обоих остались какие-либо сомнения в том, что Петрашевский и К° готовы на любой подлог, чтобы втянуть в свое дело как можно больше людей. Когда же в начале 1861 г. Муравьев вышел в отставку, Спешневу стало ясно, что единственным результатом, который имела иркутская «интрига» Петрашевского, было следующее: такой полезный для Сибири и России в целом деятель, сделавший столько добра сосланным петрашевцам и декабристам, как Муравьев (см.: [Барсуков]), оказался не у дел¹⁸.

4

До Достоевского, уже сразу по выходе его из Омского острога, дошли сведения о различном поведении двух бывших «лицейстов» в Сибири. «Спешнев в Иркутской губернии приобрел всеобщую любовь и уважение, — писал Ф. М. Достоевский М. М. Достоевскому еще 30 января — 22 февраля 1854 г. — Чудная судьба этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением. Петрашевский по-прежнему без здравого смысла» (ДЗ0; 28₁: 174).

Что же касается иркутского «заговора», то о нем Достоевский мог узнать лично от Спешнева, когда они встретились в Петербурге в начале 1860 г. [Сараскина: 302]; ср.: [Летопись: 283], а затем и от других его очевидцев и, наконец, из «Колокола» и приложений к нему. Если статьи об «иркутской дуэли» оставались неизвестными ему ранее, то они наверняка были прочитаны Достоевским как раз в период работы над «Бесами», когда он постоянно читал издания вольной эмигрантской печати. Помимо этого, писатель, конечно же, мог слышать о ней от самих издателей «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Итак, создавая образы Верховенского и Ставрогина, Достоевский ориентировался на отношения Петрашевского и Спешнева не только 1847–1849 гг., но и 1859 г. — января 1860 г., когда Петрашевский напрасно надеялся втянуть Спешнева в «интригу» против Муравьева. Этой истории в тексте «Бесов», по-видимому, прямо соответствует то, что Ставрогин по возвращении из-за границы не только не считает себя принадлежащим к «обществу», но и вообще более не хочет быть как-либо связанным с ним (см.: ДЗ0; 10: 193).

Возможно, непосредственным отзвуком рассказов Спешнева и других петрашевцев, а также знакомства с историей «иркутской дуэли» по печатным источникам стало то, что при переработке для нового издания повести «Двойник» в начале 1860-х гг. писатель ввел в него следующий эпизод: старший Голядкин «знакомится с Петрашевским, видит, как “тот читает дворянину и мужикам своим систему Фурье и уведомляет его, что тот донесет”». Помимо этого, старший Голядкин подозревает младшего в готовности предать (см.: [Захаров, 2013: 357–358]).

Все это, по-видимому, также отчасти соотносится и с тем фактом, что Спешнев в Иркутске отказался участвовать в «интриге» Петрашевского против губернатора. Хотя нет, разумеется, никаких оснований полагать, что Спешнев, возвратившись в Иркутск вместе с Муравьевым, предавал Петрашевского или доносил на него. Уже изменившись в убеждениях и прежде, он просто тем более укрепился теперь в мысли верой и правдой служить Отечеству на том поприще, которое ему выпадет.

Тем не менее, по-видимому, еще в ходе своего путешествия 1859 г. Спешнев нашел случай сообщить Львову, что губернатор сердит на того за статью о дуэли в «Иркутских губернских ведомостях», которую тот напечатал в отсутствие Муравьева [Сараскина: 296]. По возвращении же в Иркутск у Спешнева было не так много возможностей видаться со своими бывшими товарищами по несчастью. Муравьев пригласил его остановиться в его собственном доме, а Петрашевского и Львова не принимал. Подробных же разъяснений всей истории дуэли Беклемишева с Неклюдовым, посланных Львовым Спешневу в Нерчинск с намерением склонить его на свою сторону, он так и не получил: они с Муравьевым проехали в Иркутск другой дорогой.

Однако хорошо зная и Петрашевского, и Муравьева, вряд ли Спешнев сколько-нибудь сочувствовал очередной «интриге» своего бывшего однокашника и соседа. Тем не менее пламенный почитатель Петрашевского М. П. Шестунов, уволенный в ходе всех этих событий из Иркутской публичной библиотеки, назовет Спешнева (а заодно и Бакунина) «отщепенцем по расчету» [Семевский: 37]. «Клубные активисты явно досадовали, — передавала атмосферу Иркутска того времени автор жизнеописания Спешнева, — что Спешнев по возвращении в Иркутск не подхватил знамя борьбы с “тиранией графа Амурского” и не предал его...» [Сараскина: 298].

Скорее всего, именно в результате всей этой истории Спешнев окончательно укрепился в мысли уехать из Сибири¹⁹. Хотя и отдаленную, но все же напрашивающуюся параллель с его скорейшим отъездом из Иркутска составляет в «Бесах» внезапный отъезд Ставрогина также в Петербург. Угрозы же Верховенского Ставрогину, переставшему скрывать перед Лизой свою осведомленность о готовившемся убийстве Марьи Тимофеевны: «Так вы вот за что принялись? *На всех донесете, а сами* в монастырь уйдете или к черту... Но ведь я вас все равно укокошу, хоть бы вы и не боялись меня!» (ДЗ0; 10: 407) — в целом соответствуют той мере досады, которая, как мы легко можем вообразить, охватила Петрашевского, когда Спешнев отказался участвовать в интриге против Муравьева.

По возвращении из Сибири Спешнев стремился по мере возможностей заниматься какой-то полезной деятельностью и, оказавшись, как и Муравьев, не у дел, сделался у себя в Псковской губернии, где у него было имение, мировым посредником первого призыва, почетным мировым судьей и гласным уездного земского собрания.

Свой документальный рассказ о жизни Спешнева Л. И. Сараскина завершает выводом относительно коренного несовпадения Ставрогина со Спешневым: «...взяв за основу сильнейшее впечатление 1849 года и “чудную судьбу” своего “Мефистофеля”, он (Достоевский. — С. К.) представит в “Бесах” случай крайний, а именно такой, когда исправление подпольного невозможно и все пути для его воскрешения и новой жизни отрезаны» [Сараскина: 312]. Это и в самом деле так. Однако если рассматривать только окончательный текст романа, не принимая во внимание его сложную творческую историю.

5

Обратившись теперь к подготовительным материалам романа «Бесы», мы увидим, что личность Н. А. Спешнева, хотя его имя действительно нигде прямо не названо, находит в них гораздо более широкое отражение. Так, например, следующие места: «Князь говор<ит>: “Да ведь все это *недоучившиеся мальчишки*, которые ничего не понимают ни в обществе, ни в народе”»; «Глубокая черта, что Князь очень много и *пристально слушает*»; «Во всяком случае *барин*»; «Таким образом, выходит, что Князь *лицо романическое и загадочное*: он всех посещает, всех *выслушивает* — *чтоб еще больше утвердиться самому*»; «Князь не имеет, однако же, особенных идей. У него одно только *отвращение к современным людям*, с которыми он решил порвать»; «Сам в себе не находит никаких оснований, и *ему скучно*» (ДЗ0; 11: 108, 125, 126, 131, 134) — имеют очевидные параллели в мемуарных свидетельствах о Спешневе.

Ср., например, отзыв Достоевского о Спешневе еще в 1848–1849 гг.: «Я его мало знаю, да, по правде, и не желаю ближе с ним сходиться, так как этот *барин* чересчур силен и не чета Петрашевскому» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 248] — а также характеристику его следственной комиссией: «Он не имел *глубокого политического убеждения*, не был исключительно пристрастен ни к одной из систем социалистических <...> замыслами и заговорами он занимался как бы *от нечего делать*; оставлял их по прихоти, по лени, по какому-то презрению к своим товарищам, слишком, по его мнению, молодым или мелкообразованным, — и вслед затем готов был приняться опять за прежнее, приняться, чтоб опять оставить» (цит. по: [Лейкина: 15]).

По мнению Львова, своим поведением перед следственной комиссией, Спешнев «хотел показать, что серьезного дела нельзя было и замышлять с *такими ничтожными людьми* и что он один только между ними имел преступные намерения, а отвернулся от этой молодежи потому, что *не находил в них опоры*. Он предполагал, быть может, что спасет этим других и один сделается *интересною жертвою*» (цит. по: [Первые русские социалисты: 55]).

По свидетельству Момбелли, Спешнев «был всегда *холоден, ненарушимо спокоен*, наружность его никогда не изменяла выражения». Бакунин отзывался о нем как о «человеке замечательном во многих отношениях: умен, богат, образован, хорош собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и *спокойно-холодной*, вселяющей доверие, как всякая *спокойная сила, джентльмен с ног до головы*» [Бакунин: 344].

По словам П. П. Семенова-Тянь-Шанского, он «отличался *замечательной мужественной красотой*. <...> Замечательно образованный, культурный и начитанный, он воспитывался в лицее, принадлежал к очень зажиточной дворянской семье и был сам *крупным помещиком*. *Романическое происшествие* в его жизни заставило его провести несколько лет во Франции в начале

и середине сороковых годов. <...> Эта жизненная драма наложила на Спешнева неизгладимый отпечаток: Спешнев *обрек себя на служение гуманитарным идеям* [Первые русские социалисты: 81]. Наконец, М. В. Загоскин, тесно общавшийся в годы иркутской ссылки и с Петрашевским, и со Спешневым, после отъезда последнего заключал: «Спешнев из всех их был самый развитой, многознающий и выдержанный человек» [Арефьев: 182].

Что же касается других помет о «Князе», то следующие из них легко соотносимы с поведением Спешнева в Иркутске в 1857 г. — январе 1860 г.: «Он идет в управление к Губернатору, чем поражает мать»; «Он в романе судья нигилизма»; «Теперь, во-первых, по возвращении в город, он давно в нем не был. В это время успел измениться в убеждениях»; «В то же время связывается от негодования в дело Нечаева и доносит и обличает»; «Решился предать Нечаева, но тот выскользает...»; «Пожар и кощунство поражают его. Он решает предать...»; «Последнее признание Князя перед застрелом в форме письма. — Я знал этих дураков (Нечаева) и был с ними, но я всегда верил, что они дураки» (Д30; 11: 126, 130, 135, 131, 132)²⁰.

Итак, мы видим, что в подготовительных материалах к «Бесам» Князю приданы черты и приписаны отдельные биографические обстоятельства реального поведения Спешнева в ходе «заговора» против Муравьева. Хотя Спешнев и не предавал Петрашевского, он определенно, во-первых, пошел если и не в «управляющие», то в правители путевой канцелярии губернатора, а во-вторых, действительно «успел измениться в убеждениях».

6

Попытаемся теперь проанализировать текст, следующий в рабочих тетрадях Достоевского сразу после пометы «НЕЧАЕВ — ОТЧАСТИ ПЕТРАШЕВСКИЙ»: «У Нечаева только несколько мыслей, на которых он выезжает. Места, времени, национальности, разнообразия он не принимает в расчет²¹. Кто не согласен с ними, тот у него подкуплен. Успенский, Милюков даже иногда думают, что он ничтожен и глуп» (Д30; 11: 106).

Все эти черты и мысли действительно были свойственны не только Нечаеву, но и отчасти Петрашевскому. Компрометирующие обвинения вместо аргументов для Петрашевского были обычной практикой (см.: [Бакунин: 339–340]). Высказываний со стороны петрашевцев о «ничтожности» Петрашевского тоже хватает (см. хотя бы: [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 256, 261, 292]). Достаточно вспомнить, что и сам Достоевский «не стеснялся высказывать многим из близких своих приятелей его неуважение к Петрашевскому, причем обыкновенно называл его *агитатором и интриганом*» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 250].

Далее в подготовительных материалах следует фраза: «Он ловко втянул их в убийство Шатова, так что им уж нельзя было отказаться», — казалось бы, относящаяся исключительно к Нечаеву. Однако сразу за ней идет помета:

«Придерживаться более типа Петрашевского» (ДЗ0; 11: 107). В чем тут дело? Ведь Петрашевский, как известно, в отличие от Нечаева, никого ни в какое убийство не втянул? Нет, не втянул, но зато, как мы видели выше, втягивал многих других в свои интриги. В том числе пытался втянуть Спешнева в интригу против Муравьева.

Так что дело было не только в том, что такой человек, по представлениям писателя, непременно должен был отличаться холерическим темпераментом и параноидальными наклонностями, которые явно просматривались в Петрашевском²². Он еще и оказывался просто «мошенником», а не «социалистом» (ДЗ0; 10: 325), причем вполне сознательно. Задолго до убийства нечаевцами студента Иванова Достоевскому было хорошо известно, что социалисты не останавливались перед нарушением любых нравственных законов, если только это им казалось необходимым для успеха революционного дела²³.

История с иркутской интригой против Муравьева была одним из самых ярких примеров подобного рода. «Честь и личное достоинство для него, — писал после этой истории в своем «Ответе “Колоколу”» Бакунин о Петрашевском, приводя ряд выразительных примеров, — понятия чужестранные» [Бакунин: 355].

Таким образом, подготовительные материалы к роману «Бесы» в полной мере подтверждают предположение о том, что прототипами Петра Верховенского и Ставрогина были далеко не в последнюю очередь М. В. Петрашевский и Н. А. Спешнев. При этом мы еще раз убедились в том, что подлинно художественный образ представляет собой, как правило, результат глубокой трансформации прототипа, подлинной переплавки, коренного изменения, иногда даже искажения прототипа вплоть до еле узнаваемого сходства [Спор о Бакунине и Достоевском: 90–95].

И в этом случае особая роль нередко принадлежит подготовительным материалам к созданию художественного произведения. В них как раз иногда безо всяких изменений запечатлены «отдаленные первообразы для дальнейших перевоплощений» [Спор о Бакунине и Достоевском: 91]. Очевидная близость отдельных черт и даже поступков этих «первообразов» с породившими их историческими лицами является убедительным доказательством реальной прототипичности этих лиц по отношению к данным литературным героям**.

Примечания

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции, № 16-18-10034, ИРЛИ РАН.

** Когда настоящая статья уже была сдана в печать, я обнаружил некоторые подтверждающие развитую в ней концепцию соображения в статье Е. Н. Дрыжаковой «Петруша Верховенский: социалист или мошенник?» (Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 194–199).

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 11. С. 106. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 2 Правда, исследователь сопровождает эти свои сближения рядом оговорок идеологического характера. Например, цитирует слова В. И. Семевского о том, что «к Петрашевскому Достоевский относился хотя без особых симпатий, но безусловно уважал его “как человека честного и благородного”» и пишет: «Если брать облик Верховенского в целом, то Петрашевский в той же степени его “прототип”, как Наполеон III, старшая княжна Безухова, Д. И. Писарев и Ф. В. Ливанов, с которыми по некоторым частным признакам Верховенский сравнивается в записных тетрадах <...> В этом ряду Петрашевский занимает свое место не столько потому, что некоторые черты его характера переданы Верховенскому, но главным образом потому, что многие идеи, конфликты, проекты, уставы, речи, беседы, книги, бытовавшие в кружке петрашевцев, затронуты или упомянуты в “Бесах”» (*Д30*; 12: 218–219).
- 3 В свете той иркутской генеалогии образа Верховенского, о которой пойдет речь в статье далее, не так уж фантастично и сближение этой фамилии с названием одного из соседствующих с «Иркутским» округов: «Верхоленский». Контаминация именований «Петрашевский» и «Верхоленский», если она имела в виду подчеркнуть *верхоглядность* и стремление героя *верховодить*, порождала фамилию «Верховенский».
- 4 Впервые исследовательница высказала эту мысль в статье «Петрашевец Н. А. Спешнев» (Былое. 1924. № 25. С. 24). Очевидно, на этом основании Л. И. Сараскина называет В. Р. Лейкину-Свирскую «первооткрывательницей темы, обратившей в свою веру Л. П. Гроссмана и Вяч. П. Полонского» [Сараскина: 8]. Однако, кажется, это совсем не факт: статья Гроссмана «Спешнев и Ставрогин» также была опубликована в 1924 г. в журнале «Каторга и ссылка» (1924. № IV). Как отмечал сам Гроссман, еще 25 мая 1923 г. доклад на эту тему был прочитан им в Обществе Любителей Российской Словесности [Спор о Бакуanine и Достоевском: 162].
- 5 По общему признанию исследователей (см., например: [Достоевский: 486]), в этом отношении пара «Нечаев—Бакунин», во-первых, гораздо менее похожа на героев Достоевского, а, во-вторых (и это главное), ни того, ни другого Достоевский лично не знал.
- 6 Ср. в «Бесах» реплику из толпы в адрес Степана Трофимовича во время его выступления на литературном «празднике»: «— Это донос? — ворчали одни. — Компрометирующие вопросы! — *Agent-provocatеur!*» (*Д30*; 10: 372).
- 7 Авторство не Верховенского, а Ставрогина по отношению к «уставу», вызывающему ассоциации прежде всего с нечаевским «Катехизисом...», к сожалению, обходит вниманием Б. Н. Тихомиров, который, впрочем, верно отмечает, что «в романе Петруша Верховенский (который в черновиках последовательно именуется *Нечаевым*) в отличие от своего прототипа не является *автором* какого-либо *текста* (программы, манифеста или иного теоретического изложения принципов своей деятельности), по отношению к которому “Катехизис революционера” можно было рассматривать как его (текста) *прототип*» [Тихомиров: 171].
- 8 Впрочем, возможны, конечно, и другие источники — например, прокламация П. Г. Зайчневского «Молодая Россия», написанная от имени несуществовавшего «Центрального Революционного Комитета» и распространявшаяся в России в мае 1862 г. [Прокламации: 65–67].
- 9 «Охотой за местами» (*фр.*).
- 10 Учитывая выше приведенный разговор Спешнева и Достоевского о Черносвитове и последующее сближение их, по всей видимости, на почве новоучрежденного тайного общества, вероятность посвященности Достоевского в эту историю довольно высока.

- 11 Благодарю за это соображение высказавшего его в письме ко мне В. Н. Захарова.
- 12 По предположению Гроссмана, в действительности это было связано не с тем, что Достоевский взял у Спешнева займы деньги, а с тем, что он вошел в создаваемое им тайное общество и обязался действовать в его пользу (см.: [Спор о Бакунине и Достоевском: 166–167]).
- 13 В бумагах Спешнева было найдено «рассуждение в форме речи о религии, в котором опровергается существование бога». Сам он в своих показаниях писал впоследствии о том, что в нем он распространял свои «иррелигиозные идеи», а «социализм, атеизм и терроризм» относил ко «всему доброму на свете» [Петрашевцы в воспоминаниях: 53].
- 14 Основание для сближения фон Лембке с Барановым обыкновенно усматривают в значении немецкой фамилии героя (Д30; 12: 227). Однако следующее место в подготовительных материалах к «Бесам» и другие подобные ему места в тексте романа ставят под сомнение и этот аргумент: «Ш<атов> говорит: “Немец — естественный враг России <...> Все бездарности служили в высших чинах с *бараньим презрением* к русским”» (Д30; 11: 137). Ср. также относящуюся к фон-Лембке деталь в основном тексте: «...у него был *несколько бараний взгляд*» (Д30; 10: 275).
- 15 Например, в том, что Верховенский по-хозяйски ведет себя в доме фон-Лембке (см.: Д30; 10: 244), возможно, отозвался тот факт, что Петрашевский был одно время даже «чем-то вроде хозяйки дома Муравьева, за отсутствием уехавшей в Париж жены» [Венюков, кн. 1: 274].
- 16 Впрочем, инициатива использования иркутской дуэли для борьбы с Муравьевым принадлежала не самому Петрашевскому — тем выразительнее тот факт, что он, в отличие от М. А. Бакунина, не отказался выступить на гражданской панихиде по Неклюдову (подробнее см.: [Должиков: 104]).
- 17 См. собственный рассказ об этом Неклюдова [Протест: 232].
- 18 «Говорят, Муравьев уезжает, но оставляет свою креатуру — Корсакова, человека с весьма ограниченным умом и сухим сердцем, — писал один из непосредственных участников «заговора» против Муравьева Ф. Н. Львов. — Бедная Восточная Сибирь!» [Львов: 238]. Как отмечает Б. Г. Кубалов, публикация антимуравьевских материалов на страницах «Колокола» объективно ускорила уход генерал-губернатора в отставку [Кубалов: 153].
- 19 «Спешнев, кажется, не желает возвратиться в Сибирь...», — писал Муравьев в Азиатский департамент 12 января 1860 г. (цит. по: [Сараскина: 297]).
- 20 Как известно, «провокации, подозрения, неизбежная двойственность стали атрибутами революционного подполья, в котором оказались оба Голядкина», герои повести Достоевского «Двойник», которую Достоевский пытался переработать для нового издания в начале 1860-х гг. (см.: [Захаров, 2013: 357–358]).
- 21 А. П. Милуков упоминает отталкивающую «холодность ко всему русскому» Петрашевского [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 261].
- 22 Особенно очевидным это стало уже после того, как петрашевцы были отправлены в Сибирь (см., например: [Захаров, 2012]). Ср. отзыв Бакунина, относящийся уже к иркутскому периоду: «...в последние годы близкие люди нередко замечали в нем все признаки сумасшествия» [Бакунин: 359].
- 23 Ср. отзыв Бакунина о Петрашевском: «Это просто свинья с человеческой головою, циник по внутреннему призванию. <...> Как истинный художник, помимо всех личных видов, хотя он и далеко не пренебрегает ими, он любит шум для шума, скандал для скандала, грязь для грязи. Уличите его во лжи, в клевете, назовите его в глаза подлецом, поколотите его, он завтра же подаст вам руку и будет уверять вас в своем уважении и в своей симпатии, если это только покажется ему нужным» (Бакунин: 339).

Список литературы

1. Арефьев В. С. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская старина. 1902. — № 1. — С. 177–186.
2. Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876: в 4 т. — М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934–1935. — Т. 4. — 624 с.
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. — М.: Синодальная типография, 1891. — Кн. 1–2. — 372 (XII) с.; 320 (VI) с.
4. Белоголовый Н. А. Убийство Неклюдова в Иркутске // Под суд! — 1859. — № 2. — 15 ноября.
5. Венюков М. И. Из воспоминаний. 1832–1867. — Амстердам: [б. и.], 1895–1901. — Кн. 1–3.
6. Гроссман Л. Политический роман Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы / ред., вступ. ст. и коммент. Л. П. Гроссмана. — М.; Л.: Academia, 1935. — С. I–LXXX.
7. Дело петрашевцев. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. — Т. I. — 584 с.
8. Должиков В. А. М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). — Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. — 329 с.
9. [Достоевская Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. — М.; Пг.: ГИЗ, 1922. — 105 с.
10. Достоевский Ф. М. Письма. — М.; Л.: Государственное издательство, 1930. — Т. II: 1867–1871 / ред. и примеч. А. С. Долинина. — 617 с.
11. Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 515 с.
12. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. — Тобольск: Общественный Благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. — Альманах № 18. — С. 73–76.
13. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
14. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. / автор-сост. А. К. Чернигов. — Иркутск: Оттиск, 2003. — Т. 1. — 464 с.
15. Кантор В. А. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 825 с.
16. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. — СПб.: ИД «Петрополис», 2013. — 431 с.
17. Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). — Иркутск: Кн. издательство, 1958. — 162 с.
18. Лейкина В. Р. Петрашевцы. — М.: Гос. типография им. Ивана Федорова, 1924. — 146 с.
19. Лейкина-Свирская В. Р. Спешнев в свете новых материалов // История СССР. — 1978. — № 4. — С. 128–140.
20. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Наука, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 544 с.
21. [Львов Ф. Н.] <Об иркутской дуэли> // Литературное наследство. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 63: Герцен и Огарев. — С. 232–239.
22. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — 428 с.
23. Милютин Б. А. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. — 1888. — № 12. — С. 595–635.

24. Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1984. — 392 с.
25. Петрашевцы в воспоминаниях современников: сб. материалов: в 3 т. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1928. — Т. 3: Доклад генерал-аудиториата. — 389 с.
26. Полонский Вяч. Николай Ставрогин и роман «Бесы» // Спор о Бакуanine и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. — Л.: Гос. изд-во, 1926. — С. 169–196.
27. Прокламации шестидесятих годов. — М.; Л.: Московский рабочий, 1926. — 79 с.
28. Протест против выступления Бакунина об «иркутской дуэли» / публ. Б. Г. Кубалова // Литературное наследство. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 63: Герцен и Огарев. — С. 228–231.
29. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е. Л. Рудницкая. — М.: Археографический центр, 1997. — 576 с.
30. Сараскина Л. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 2000. — 533 с.
31. Семевский В. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. — 1915. — № 3. — С. 18–57.
32. Спор о Бакуanine и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. — Л.: Гос. изд-во, 1926. — 215 с.
33. Тихомиров Б. Н. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура: альманах. — 2019. — № 3. — С. 162–178.
34. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. — М.: Госполитиздат, 1953. — 824 с.
35. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — 622 с.

Sergey A. Kibalnik

*Institute of Russian Literature,
The Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russian Federation)*

kibalnik007@mail.ru

The Nechaevtsy or the Petrashevites? (Prototypes of the Main Characters in Fedor Dostoevsky's Novel *Demons*)

Acknowledgments. The research work was carried out with financial support of Russian Science Foundation (project № 16-18-10034).

Abstract. The preparatory materials for the novel *Demons*, published in the first academic edition of *Complete Works* by Dostoevsky contain his notes stating that the image of one of his main characters, Pyotr Verkhovensky, was partly stylized after M. V. Petrashevsky. At the same time, commentators found a note in this publication indirectly confirming the hypothesis that Nikolai Speshnev was one of the main prototypes of Stavrogin. The paper analyzes the preparatory materials for *Demons*, in which the future Stavrogin was listed as “Prince”. They are compared

with Dostoevsky's personal impressions of communicating with Speshnev, not only in 1847–1849, but also in the 1860s, after his return from exile. In addition, they are juxtaposed with printed materials about Petrashevsky and Speshnev's stay in Irkutsk in 1857–1860. These comparisons demonstrate that significant elements of *Demons*' creative history are related to the fact that while Petrashevsky took a noticeable part in the incident around the so-called "Irkutsk duel" in 1860, which was directed against the Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov-Amursky, Speshnev, on the contrary, completely changed his beliefs by that time. Thus, the preparatory materials for the novel *Demons* fully confirm the assumption that Nikolai Speshnev (partly along with F. Dostoevsky himself) was the main prototype of Nikolai Stavrogin. At the same time, a reference to the behavior of M. V. Petrashevsky in his Irkutsk exile in 1859–1860 allows to understand why and how a socialist-revolutionary like Sergey Nechaev could be associated with him in the mind of Dostoevsky.

Keywords: prototype, main character, novel, *Demons*, creative history, preparatory materials, notebook, Dostoevsky, Petrashevsky circle

About the author: Kibalnik Sergey A. — Doctor in Philology, Professor, Saint Petersburg State University; Leading researcher, Institute of Russian literature, The Russian Academy of Sciences (Makarova nab. 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation)

Received: March 17, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Kibalnik S. A. The Nechaevtsy or the Petrashevites? (About Prototypes of the Main Characters in Fedor Dostoevsky's Novel "Demons"). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 119–141. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4582 (In Russ.)

References

1. Aref'ev V. S. M. V. Butashevich-Petrashevsky in Siberia. In: *Russkaya starina*, 1902, no. 1, pp. 177–186. (In Russ.)
2. Bakunin M. A. *Sobranie sochineniy i pisem. 1828–1876: v 4 tomakh [Collected Works and Letters. 1828–1876: in 4 Vols]*. Moscow, Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934–1935, vol. 4. 624 p. (In Russ.)
3. Barsukov I. *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky According to His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources]*. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1891, book 1–2. (In Russ.)
4. Belogolovyy N. A. The Murder of Neklyudov in Irkutsk. In: *Pod sud!* 1859, no. 2, 15 November. (In Russ.)
5. Venyukov M. I. *Iz vospominaniy 1832–1867 [From the Memories. 1832–1867]*. Amsterdam, 1895–1901, book 1–3. (In Russ.)
6. Grossman L. Political Novel of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Besy [Dostoevsky F. M. Demons]*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, pp. 1–80. (In Russ.)
7. *Delo petrashevtsev [The Case of the Petrashevites]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 1. 584 p. (In Russ.)
8. Dolzhikov V. A. *M. A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi «otpepli» (rubezh 1850–1860-kh gg.) [M. A. Bakunin in the National and Regional Political Process of the "Thaw" Era (the Border of the 1850–1860s)]*. Barnaul, Altai State University Publ., 2017. 329 p. (In Russ.)

9. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri L. Dostoevskoy* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 105 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, vol. 2. 617 p. (In Russ.)
11. Dryzhakova E. N. *Po zhivym sledam Dostoevskogo. Fakty i razmyshleniya* [In the Footsteps of Dostoevsky. Facts and Reflections]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 515 p.
12. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku* [Tobolsk and All Siberia. 425 Years of Tobolsk]. Tobolsk, Obshchestvennyy Blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2012, almanac no. 18, pp. 73–76. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
14. *Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gody: v 2 tomakh* [Irkutsk Narratives. 1661–1917: in 2 Vols]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, vol. 1. 464 p. (In Russ.)
15. Kantor V. A. *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste* [Imitating, Understanding, or Sententia Sensa: Philosophy in a Literary Text]. Moscow; Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 825 p.
16. Kibal'nik S. A. *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Intertextual Poetics of Dostoevsky]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom Petropolis Publ., 2013. 431 p. (In Russ.)
17. Kubalov B. G. A. I. *Gertsen i obshchestvennost' Sibiri (1855–1862)* [A. I. Herzen and the Public of Siberia (1855–1862)]. Irkutsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958. 162 p. (In Russ.)
18. Leykina V. R. *The Petrashevtsy*. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya imeni Ivana Fedorova Publ., 1924. 146 p. (In Russ.)
19. Leykina-Svirskaya V. R. New Materials About Speshnev. In: *Istoriya SSSR*, 1978, no. 4, pp. 128–140. (In Russ.)
20. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
21. L'vov F. N. About the Irkutsk Duel. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 63: Herzen and Ogarev, pp. 232–239. (In Russ.)
22. Matkhanova N. P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskiy, M. S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the Mid of the 19th Century: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyov-Amursky, M. S. Korsakov]. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk Publ., 1998, pp. 206–210. (In Russ.)
23. Milyutin B. A. General-Governorship of N. N. Muravyov in Siberia. In: *Istoricheskiy vestnik* [The History Herald], 1888, no. 12, pp. 595–635. (In Russ.)
24. *Pervye russkie sotsialisty: vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtsev v Peterburge* [The First Russian Socialists: Memoirs of the Members of the Petrashevsky Circle in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 392 p. (In Russ.)
25. *Petrashkevtsy v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik materialov* [Petrashkevtsy in the Memoirs of Contemporaries: A Collection of Materials]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1928, vol. 3. 389 p. (In Russ.)
26. Polonskiy V. Nikolai Stavrogin and the Novel "Demons". In: *Spor o Bakunine i Dostoevskom. Stat'i L. P. Grossmana i Vyach. Polonskogo* [The Dispute About Bakunin and Dostoevsky.

- Articles by L. P. Grossman and V. Polonsky*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926, pp. 17–69. (In Russ.)
27. *Proklamatsii shestidesyatykh godov* [*Proclamations of the Sixties*]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1926. 79 p. (In Russ.)
 28. Protest Against Bakunin's Speech About the "Irkutsk Duel". In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 63: Herzen and Ogarev, pp. 228–231. (In Russ.)
 29. *Revolutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy. Dokumental'naya publikatsiya* [*Revolutionary Radicalism in Russia: The Nineteenth Century. Documentary Publication*]. Moscow, 1997. 576 p. (In Russ.)
 30. Saraskina L. *Nikolay Speshnev. Nesbyvshayasya sud'ba* [*Nikolay Speshnev. Unfulfilled Fate*]. Moscow, Nash dom — L'Age d'Homme Publ., 2000. 533 p. (In Russ.)
 31. Semevskiy V. M. V. Butashevich-Petrashkevsky in Siberia. In: *Golos minuvshogo*, 1915, no. 3, pp. 18–57. (In Russ.)
 32. *Spor o Bakunine i Dostoevskom. Stat'i L. P. Grossmana i Vyach. Polonskogo* [*The Dispute About Bakunin and Dostoevsky. Articles by L. P. Grossman and V. Polonsky*]. Leningrad, State Publishing House Publ., 1926. 215 p.
 33. Tikhomirov B. N. Sergey Nechaev's "A Revolutionary's Catechism". A Historical Document and Its Role in the Creative History of "The Demons". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], 2019, no. 3, pp. 162–178. (In Russ.)
 34. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtsev* [*Philosophical and Political and Social Works of the Petrashevites*]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 824 p. (In Russ.)
 35. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. (In Russ.)